

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.09«19»

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-8

EDN: CLSUXX

Переписка Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева во время подготовки первого книжного издания «Войны и мира»

Андреева Валерия Геннадьевна

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям и переписке Толстого и Бартенева в 1860-е гг., особенно подробно рассматривается корреспонденция 1867–1869 гг. – времени работы писателя и редактора над отдельным изданием романа-эпопеи. Целью статьи является последовательный анализ переписки, выявление ее основных тем и проблем, обозначение главных векторов взаимодействия Толстого и Бартенева. Научная новизна статьи заключается в осмыслении роли переписки в деятельности обоих корреспондентов, в анализе впервые вводимых в научный оборот отдельных писем Бартенева, которые до этого времени не были опубликованы и цитируются в статье по материалам архива Государственного музея Л. Н. Толстого. Отмечается выбор Толстым издательства и редактора, описываются этапы работы над «Войной и миром». Констатируются плюсы и сложные моменты в творческом и личностном общении корреспондентов, которые отразились в письмах. Показано, что Толстой максимально критически подходил к замечаниям редактора, проверял их и сразу же отвергал, если не считал уместными. И, напротив, безоговорочно и с благодарностью принимал, если видел в правках справедливость. Работа Бартенева с текстом Толстого носила разнообразный характер: технический, творческий, фактографический, посреднический, Бартенев взаимодействовал с типографией и выступал своеобразным дешифровщиком правок и знаков Толстого. При глубоком уважении Толстого и Бартенева друг к другу между ними сложились непростые отношения для сотрудничества с точки зрения психологии. Толстой и Бартенев считали себя находящимися примерно на одной степени интеллектуального развития людьми и были в отношениях своеобразного соперничества, которое в том числе оказывалось связано с пониманием писателем и редактором истории, ее уроков. В статье обращается внимание на значимые лексемы, употреблявшиеся корреспондентами, на структуру писем, которая также является содержательной. Автор работы анализирует некоторые важные детали и концептуальные моменты, относящиеся к тексту романа-эпопеи, которые затронуты в переписке Толстого и Бартенева.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; П. И. Бартенев; переписка; «Война и мир»; редактор; корректуры; исправления; историческая основа; творческий диалог

Для цитирования: Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева во время подготовки первого книжного издания «Войны и мира» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 8–21. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-8>. <https://elibrary.ru/CLSUXX>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Correspondence between L. N. Tolstoy and P. I. Bartenev in the course of their work on «War and Peace» first edition

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the relationship and correspondence between Tolstoy and Bartenev in the 1860s, with a particular focus on the correspondence in 1867–1869, the period when the writer and the editor were working on a first edition of the epic novel. The article aims to provide a consistent analysis of the correspondence, identify its main topics and problems, and outline the main vectors of interaction between Tolstoy and Bartenev. The scientific article presents a novel point of view on the role of letter writing in both correspondents' activities and is the first to analyze certain Bartenev's letters, which have not been published up to now, and are cited in the article for the first time based on the Leo Tolstoy State Museum's archives. The author notes Tolstoy's choice of the publishing house and the editor, describes the stages of working on «War and Peace», and states the pluses and challenges in creative and personal communication between the correspondents, reflected in the letters. It is shown that Tolstoy was extremely critical of the editor's remarks, verified them and rejected them right away if he did not consider them appropriate. On the other hand, he accepted the edits unconditionally and gratefully if he saw any sense in them. Bartenev's work with Tolstoy's text was of a diverse nature: technical, creative, factual, and intermediary; Bartenev interacted with the printing house and acted as a kind of a decipherer for Tolstoy's corrections and signs. While Tolstoy and Bartenev deeply respected each other, the relationship between them was not easy for them to cooperate in terms of psychology. Tolstoy and Bartenev considered themselves to be of approximately the same intellectual development and were in a relationship of certain rivalry, which, among other things, was connected with the writer's and the editor's understanding of history and its lessons. The article draws attention to the significant lexemes used by the correspondents, to the structure of their letters, which is also meaningful. The author of the article analyzes some important details and conceptual aspects related to the text of the epic novel, which are discussed in the correspondence between Tolstoy and Bartenev.

Key words: L. N. Tolstoy; P. I. Bartenev; correspondence; «War and Peace»; editor; proofreading; corrections; historical basis; creative dialogue

For citation: Andreeva V. G. Correspondence between L. N. Tolstoy and P. I. Bartenev in the course of their work on «War and Peace» first edition. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(2):8–21. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-8>. <https://elibrary.ru/CLSUXX>

Введение. Место и значение переписки Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева в корреспонденции писателя

В истории переписки Л. Н. Толстого корреспонденции с П. И. Бартевым отведен четко определенный по времени период. Такая ситуация связана с высокой занятостью обоих корреспондентов и характером переписки, развернувшейся на этапе подготовки Толстым отдельного издания «Войны и мира», редактором которого и стал Бартев.

Целью данной работы является последовательный анализ переписки корреспондентов, выявление ее основных тем и проблем, мы стремимся обозначить главные векторы взаимодей-

ствия корреспондентов. Научная новизна статьи заключается в осмыслении роли переписки в жизни и деятельности обоих корреспондентов, в анализе впервые вводимых в научный оборот отдельных писем Бартенева, которые до этого времени не были опубликованы.

В литературоведении истории взаимоотношений Толстого и Бартенева не уделялось должного внимания. Главной работой, содержащей сведения о переписке корреспондентов, является статья Э. Е. Зайденшур «История писания и печатания „Войны и мира“». Однако она была создана давно, переписка Толстого и Бартенева в ней рассмотрена косвенно, в проекции главной темы работы – творческой истории романа-эпопеи. Поэтому данное исследование, содер-

жащее публикацию впервые вводимых в научный оборот отрывков писем, представление истории и характера взаимодействия Толстого и Бартенева, видится нам перспективным.

Петр Иванович Бартенев (1829–1912) – историк, филолог, переводчик, библиограф, один из основателей пушкиноведения, составитель и издатель первого исторического журнала «Русский архив» (1863–1917). Бартенев занимался редактированием журналов «Москвитянин» (в 1853 г.), «Русская беседа» (в 1857 г.), сотрудничал с журналом «Библиографические записки». С 1853 по 1858 гг. Бартенев служил в московском Главном архиве Министерства иностранных дел. В 1858–1859 гг. жил за границей, где встречался с Герценом. С 1859 по 1873 гг. заведовал Чертковской библиотекой. При увлеченности Бартевева русской историей большое значение для его мировоззрения имела работа в Министерстве иностранных дел и зарубежные командировки, которые расширили кругозор историка, позволили ему оценить преимущества европейской жизни, свободной мысли, не ограниченной рамками монархического режима: «После зарубежной поездки Бартенев уже не был приверженцем славянофильского течения, т. к. понимал, что для развития России следует изучать и все западные общественные процессы» [Фадичева, 2017, с. 72]. Т. Н. Двуреченская точно отметила, что «Бартевева можно считать достаточно свободным человеком в своих отношениях с выдающимися современниками. Он общался с ними, даже если не разделял их убеждений. В ЦГАЛИ хранятся письма к нему более чем двух тысяч корреспондентов: государственных и общественно-политических деятелей, литераторов, журналистов, всех, заинтересованных в обнаружении историко-литературных материалов» [Двуреченская, 2016, с. 9]. Однако на фоне других посланий рассматриваемая нами переписка особенно значима. Время работы Толстого над отдельным изданием «Войны и мира» было сложным периодом. Без анализа осмысливаемой в данной статье переписки не может быть полностью и во всех деталях понят творческий процесс Толстого и движение его мысли, а также некоторые проблемы, возникавшие между писателем и редактором.

Знакомство Л. Н. Толстого и П. И. Бартевева. Первый этап общения и начало работы над изданием «Войны и мира»

Толстой и Бартевев познакомились в начале 1863 г. в Москве. Н. Н. Гусев отмечает: «Из писателей, кроме И. С. Аксакова, Толстой виделся с Фетом. 1 января он ужинал у Погодина, где был также П. И. Бартевев» [Гусев, 1957, с. 593–594]. Вся переписка относится к 1867–1869 гг., также имеется одно письмо Толстого к Бартевеву от 7 декабря 1864 г., в котором просьбы Толстого к историку связаны с материалами, необходимыми писателю для работы над «Войной и миром» (прежде всего, речь идет о письмах Ф. П. Уварова). Второе из сохранившихся посланий Толстого Бартевеву (от 31 марта 1867 г.) примечательно тем, что раскрывает творческую природу мышления писателя. По словопотреблению Толстого, особенно фразе «которое давно у меня валяется», видно, что к этому времени писатель уже достаточно свободно общался с Бартевевым. Следующая фраза Толстого в письме раскрывает просьбу, которая была в не дошедшем до нас послании Бартевева – о написании статьи для журнала «Русский архив». Действительно, Толстой пообещал написать статью, не обозначив сроков, но объяснив свою текущую серьезную занятость: «Статью для Архива я непременно напишу, но не теперь. *Теперь я ничего не могу делать, кроме окончания моего романа*» (курсив автора статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 166]. Однако сказав Бартевеву правду, Толстой несколько преувеличил, о чем сообщают последующие строки его письма. Толстой далее попросил Бартевева о высылке материалов журнала «Русский архив» об истории, времени и фигуре императора Павла: «Но то, что есть в Архиве, привело меня в восторг. *Я нашел своего исторического героя*. И ежели бы Бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 166]. Интенсивная работа над завершением «Войны и мира» не давала Толстому покоя и не оставляла времени для отдыха. Толстой был предельно честен с Бартевевым – свободного времени у писателя для создания статьи не было. Однако «ничего» из письма Толстого Бартевеву не включало мыслительного процесса классика по поводу новых замыслов и героев: от одной исторической эпохи (Александра I) мысли писателя постепенно перешли к другому времени, к другому «историческому герою». Полет творческой фантазии Толстого не был ограни-

чен, и в условиях напряженного труда он нередко проявлялся не менее ярко, чем в свободное время.

Активная переписка между писателем и редактором-издателем началась со второй половины 1867 г., в связи с подготовкой к печати первого книжного издания «Войны и мира». Исследователи творческой истории романа-эпопеи уже не раз отмечали, что Толстой еще в 1866 г. планировал осуществить отдельное книжное издание произведения, но замысел этот не был реализован [Зайденшнур, 1955, с. 99]. Сейчас толстоведы пишут о трех различных изданиях «Войны и мира» и подчеркивают, что издание романа 1869 г., подготавливаемое Толстым в 1867–1869 гг. при редакторском участии Бартенева, является основным завершенным, по мнению автора: «Л. Н. Толстой считал, что сочинение было завершено в 1869 году: на шмуцтитуле всех последующих изданий (кроме 3-го – 1873 г.) были обозначены годы писания 1864–1869 гг.» [Юрова, 2019, с. 223].

Летом 1867 г. Толстой вел переговоры в Москве с различными издателями и корректорами, но остановился на типографии Ф. Ф. Риса. А Бартенев взялся помогать писателю в работе с типографией, решением организационных вопросов, чтением корректур, наблюдением за набором произведения. Бартенев обязался следить за точностью расшифровки толстовских текстов, он взял на себя и функции консультанта Толстого в плане уточнения в романе исторических моментов, событий и лиц. Писатель прислушивался к мнению Бартенева и доверял ему, но всегда четко и внимательно перепроверял предложенные варианты, соглашался с верными, но нередко оставлял свои в случае наличия у него другого мнения.

Письма Толстого сохранились гораздо лучше, писем Бартенева дошло до нас лишь несколько штук. За 1867 г. известно 21 письмо корреспондентов, из которых 18 принадлежат Толстому и всего 3 письма – Бартеневу. За 1868 г. сохранилось 13 писем, из которых 12 принадлежат Толстому и всего 1 письмо – Бартеневу. За 1869 г. нам известны сейчас всего 5 писем Толстого. Письма Бартенева фактически не публиковались (приводились в разных изданиях отрывки из них), письмо Бартенева Толстому от 17 сентября 1867 г. совсем не было опубликовано – в данной статье мы используем архивные материалы Государственного музея Л. Н. Толстого.

При заключении договора с типографией Толстой оставил в Москве для печати готовую и уже переработанную им первую часть произведения. Увлеченный работой, Толстой ожидал от типографии достаточно быстрого начала работы, но проблемы на первом этапе взаимодействия были связаны с отсутствием в Москве Бартенева и Риса и незнанием сотрудников типографии о сроках. Пересылка материалов не была отработана, у Толстого не оказалось даже адреса типографии. В письмах от 30 июня и 7–8 августа 1867 г. Толстой повторяет Бартеневу одну и ту же просьбу – поторопить типографию, причем писатель в обоих случаях использует одну и ту же лексему: «Получите от него расписку и *погоните* его печатанием и присылкой мне адресов и корректур» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 173]; «Пожалуйста, *погоняйте* их» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 174].

В первых письмах Бартеневу Толстой сообщает некоторые важные графические знаки, которые им постоянно использовались (например, о черточках без № главы, на которые в типографии должны были обратить внимание). Порой в письмах появляются важные детали, указания на современников. Так, в послании от 10 августа 1867 г. Толстой попросил Бартенева один экземпляр отпечатанных листов нового издания отправлять Елене Сергеевне Горчаковой (Е. С. Горчакова была на четыре года старше Толстого, она много времени занималась педагогикой, преподавательской работой, с 1865 г. работала надзирательницей в 3-й московской женской гимназии). Толстой был высокого мнения о своей троюродной сестре, скорее всего, писателю важен был не только мужской, но и женский внимательный взгляд на роман со стороны. Толстой видел в Е. С. Горчаковой одну из чутких читательниц, какой в пору написания им «Анны Карениной» стала А. Ф. Тютчева. В этом же послании Толстой отметил, что много сокращает корректуры, причем писатель представил сокращения как необходимую данность, отметив, что сочинение от них «выигрывает во всех отношениях».

Диалог и полемика с редактором в ходе напряженной работы Л. Н. Толстого над корректурами романа-эпопеи

Если в начале переписки Толстой просил Бартенева поторопливать типографию, то по мере течения времени писатель стал немного задерживать корректуры. Основная проблема заклю-

чалась в том, что Толстой многократно перерабатывал свой текст, вновь и вновь внося правки уже в отпечатанные корректуры, а не в рукопись. Негодование Бартенева было связано с количеством исправлений: «Вы Бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания» (письмо от 12 августа 1867 г.) [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-1]. Для обозначения многочисленных корректур Толстого Бартенев использует лексему «перемарывание», более того, он отрицает необходимость этой серьезной работы и ставит ее в прямую зависимость от денежных средств: «Сошлюсь на кого хотите, большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна; а между тем от него цена типографская страшно возрастает» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-1].

Бартенев писал о длительности и утомительности процесса правки, а более всего — об удорожании корректур. Чтобы удержать Толстого, Бартенев сообщал в письме, что велел написать в типографии счет за корректуры. Наконец, Бартенев предложил Толстому выгодный вариант работы: «Вы убедитесь, что Вам выгоднее нанять самого лучшего министерского переписчика и прислать ко мне уже совсем готовую рукопись, чем приплачивать по несколько рублей за каждый лист» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-1]. Данное письмо показывает различие между писателем и редактором-издателем. Первый не задумывался о счетах, поскольку был погружен в творческий процесс и считал несопоставимыми платы за корректуры с теми усилиями, которые тратятся на создание шедевра. Второй был озабочен четким соотношением времени, средств, количества листов, прилагаемых людьми технических, а не творческих усилий.

Эту же тему бесконечной правки текста Бартенев продолжает и в письме от следующего дня, 13 августа 1867 г. Однако письмо это построено иначе. Оно начинается с похвалы Толстому, а вот завершается своеобразным укором в обилии правок. Высокая оценка конкретной сцены романа представлена в начале письма: «Объяснение Безухого с женою и вся глава в Лысых Горах хороши до того, что будут жить вечно: еще лучшего места я не читал во всем романе» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Однако настораживает косвенное сравнение указанной редактором сцены со всем предшествующим текстом: если лучшего места еще не было в романе, то получается, что предшествующие эпизоды не так ярки и колоритны. И манера похвалы Бартенева реали-

зована в свете установившегося приятельского соперничества и разницы во взглядах. Бартенев напоминает Толстому: «Только не забыли ли Вы про Бурьенку: князь только хотел прогнать ее, а не сказано, что прогнал» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Далее Бартенев достаточно жестко проговаривает сроки завершения первых двух частей романа: «Необходимо, чтобы в сентябре были готовы две части» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Нумеруя список вопросов и пожеланий, Бартенев спрашивал Толстого о «Записках севастопольца» — книге Н. С. Милошевича «Из записок Севастополя: с приложением плана обороны и осады Севастополя», напоминая о письме императора Павла I, которое Толстой обещал прислать, сообщал об отправлении Толстому корректур книги А. Я. Булгакова «Воспоминания о 1812 г. и вечерних беседах у графа Ф. В. Ростопчина», которая к этому времени еще не была издана, но была необходима Толстому для работы над «Войной и миром».

В финале письма Бартенев называет толстовские постоянные коррективы одним емким и достаточно колоритным глаголом «колупать»: «Ради Бога, перестаньте колупать» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Причем за этой эмоциональной просьбой-призывом вновь следует, как разумный резон, упоминание о тратах: «С Катковым было можно это делать и ему можно: у него своя типография. Но спросите, сколько и он переплачивает денег за такие роскоши» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Указывая на Каткова и его типографию, редактор напоминал писателю, что его выбор был сделан не в пользу типографии Каткова, а в пользу типографии Риса. При этом Бартенев подытоживает, что при всех исключительных условиях даже Катков вынужден много тратиться (Толстому такая роскошь, как следует из обоих писем Бартенева, была непозволительна).

И Толстой, и Бартенев отличались достаточным упорством, настойчивостью. На указанные выпады и замечания Бартенева Толстой ответил очень кратко и уверенно в начале письма от 16...18 августа 1867 г.: «Не *марать* так, как я *мараю*, я не могу и твердо знаю, что *маранье* это идет в великую пользу. И не боюсь потому счетов типографии, которые, надеюсь, не будут уж очень придиричивы. То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз 5 *перемарано*» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 176]. Толстой использует яр-

кий и характерный глагол «марать», отглагольное существительное «марание», повторяя в трех предложениях четыре однокоренных слова. Это был *ответ писателя* на обидную лексему Бартенева «колупать», иллюстрирующий непонимание Бартеневым основ работы Толстого. Беглое и несколько скептическое упоминание писателем счетов из типографии иллюстрирует ту незначительность, которую он придает финансовому вопросу в сравнении с творческим. Отдельного внимания в процитированном отрывке заслуживает словосочетание «великая польза». Оно показывает глубокую уверенность писателя в силе и важности отточенного художественного слова.

Мы не располагаем большим количеством писем Бартенева, но судя по дошедшему до нас письму от 17 сентября 1867 г., можем утверждать, что тон и манера писем историка к Толстому были выдержаны в едином стиле. Письмо начинается с очередного сетования Бартенева на «маранье» Толстого. Но теперь редактор избегает резких слов, даже готов пенять на свое приставание к Толстому, только бы последний перестал перемарывать уже готовые набранные полосы: «Думаю, любезный граф, что в моем приставании всё об одном и том же Вы видите не одно соблюдение издержек печатания, кои, по нашему уговору, и для меня невыгодны. Но Вы знаете, что книги у нас продаются только с октября по февраль, а до февраля мы никак не напечатаем, коль скоро дело пойдет так же, как теперь» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-3].

Бартенев повторяет Толстому свое предложение о переписывании рукописей, причем он убеждает писателя в том, что внесение правок в рукописный текст может быть не менее удобным, Бартенев готов содействовать в заказе переписки на таких же полосах, на каких бывает наборный текст. По всей видимости, Бартенев не оставлял надежды, что у него получится еще переубедить Толстого – впереди им обоим предстояла еще большая работа с текстом «Войны и мира».

Следующий абзац письма Бартенева посвящен Поздееву, точнее, его образу в романе-эпопее. Бартенев имеет в виду второстепенного героя «Войны и мира», Осипа Алексеевича Баздеева, но называет его по имени прототипа – Поздеев. О. А. Поздеев (1742–1820) был помещиком, писателем, мистиком. Как отмечает А. Н. Долгих, Поздеев претендовал даже на роль одного из идеологов масонского движения: «Уже в 1780-е гг. Поздеев считался духовным лидером

масонов наряду с Н. И. Новиковым и И. Г. Шварцем» [Долгих, 2015, с. 55]. Бартенев, интересовавшийся историей масонства, не мог равнодушно воспринимать образ Поздеева, он желал добавить этому персонажу яркости и колорита за счет деталей: «Первые три главы 2-й ч<асти> 2-го тома очень любопытны. Только мне кажется, Поздеев должен был кушать чай с большим комфортом и аппетитом; у него должны были быть какие-нибудь особенные сухарики. Все масоны непременно сластолюбцы. Самое их учение есть желание положить к себе благодать в карман, так сказать, пощупать божество руками. Оттого они заходили к Богу с заднего крыльца» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-3].

Рассуждая о Поздееве во время чаепития, Бартенев имеет в виду эпизод первой встречи Пьера с Баздеевым, когда ожидающий подачи лошадей Пьер встречает старика-масона и его слугу. В начале эпизода общения Пьера и Баздеева, еще до их разговора, Пьер видит процесс чаепития: «Поворотливый старичок-слуга разбирал погребец, приготавливал чайный стол и принес кипящий самовар. Когда всё было готово, проезжающий открыл глаза, придвинулся к столу и, налив себе один стакан чаю, налил другой безбородому старичку и подал ему» [Толстой 1928–1958, т. 10, с. 67].

Бартенев в данном случае придумал своеобразную подробность («какие-нибудь особенные сухарики»), посоветовал Толстому использовать ее для создания целостного образа героя. «Сухарики» были выбраны Бартеневым очень удачно в плане метафорической иллюстрации свободы масонов. При появлении «сухариков» чаепитие приобретало несколько иной оттенок – удовольствия, изысканности. Н. Н. Мисюров отметил, что «русские масоны надеялись обрести такую веру, которая одновременно противостояла бы церковной ортодоксии и при этом помогала бы бороться против распространения кощунственных идей» [Мисюров, 2014, с. 39].

Кроме того, предложение такой подробности Толстому говорит о внимании Бартенева не только к важным фактам и событиям, ключевым в истории переломным моментам, но и к мелочам. И тут необходимо признать, что и для Толстого, и для Бартенева была характерна особенная работа по поиску пропорции между «мелочностью» и «генерализацией», умением сочетать их. «Далеко не сразу Толстой овладел умением „запечатления словом художественной подробности“». Совсем не случайно в дневнике появля-

лись рассуждения о „генерализации” и „мелочности”», – писала Н. И. Бурнашева, цитируя далее запись в дневнике Толстого от 4 июня 1852 г. «Я увлекался сначала в генерализацию, потом в мелочность, теперь, ежели не нашел середины, по крайней мере понимаю ее необходимость и желаю найти ее» [Бурнашева, 2016, с. 128]. Собственно ту же ценную пропорцию между деталями и ключевыми событиями и образами людей успешно реализовывал Бартенев. М. В. Черномырдин отметил, «для П. И. Бартенева как мемуариста характерен интерес к каждому человеку, независимо от того, оставил ли он свой след в „большой истории”. Верный одному из своих главных увлечений всей жизни – генеалогии, он скрупулезно выписывает родственные и семейственные отношения и связи каждого своего героя. Не меньшее значение имеет для него деталь, частная, на первый взгляд не имеющая никакого значения, но верно характеризующая того или иного человека» [Черномырдин, 2007, с. 149–150]. Внимание Толстого к деталям и его прекрасная память к подробностям очень примечательны. Не используя предложенный Бартевым образ сухариков в связи с переработкой текста, Толстой реализовал его в сцене разбрасывания бисквитов государем Александром I [Андреева, 2022, с. 274].

Приведем и поясним еще одно предложение из письма Бартева: «То, что Пьер забыл одни добродетели, перечитывая их после риторы – истинная прелесть» [Бартев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-3]. Бартев имеет в виду эпизод, в котором Пьера посвящают в масоны, а ритор перечисляет семь добродетелей, соответствующих семи ступеням храма Соломона. После ритор удаляется, оставляя Пьера размышлять в одиночестве: «Но остальные пять добродетелей, которые перебирая по пальцам вспомнил Пьер, он чувствовал в душе своей: и мужество, и щедрость, и добронравие, и любовь к человечеству, и в особенности повиновение, которое даже не представлялось ему добродетелью, а счастьем. ... Седьмую добродетель Пьер Забыл и никак не мог вспомнить ее» [Толстой 1928–1958, т. 10, с. 78]. Бартев справедливо называет упущение, то есть забывчивость Пьера «истинной прелестью», поскольку Пьер забывает о соблюдении тайны ордена и любви к смерти – двум очень не характерным для него «добродетелям». Забвение их делает Пьера живым, страдающим и грешным человеком, Толстой показывает читателю, что один из главных героев романа точно не вписы-

вается в узкие рамки масонства, составляющего по сути дела, условное объединение, пронизанное идеей жесткого руководства человеком и его подчинения.

Некоторые замечания Толстого в письмах осени 1867 г. позволяют понять, над какими эпизодами романа велась особенно интенсивная работа, причем писатель был обеспокоен тем, будут ли правильно поняты его исправления: «Особенно измараны – прием в масонство и французское письмо Билибина. Пожалуйста, посмотрите их в гранках, и ежели неясно, то пришлите мне еще раз (ежели я не буду в Москве)» (письмо от 19...20 сентября 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 177]. Кроме того, Толстой несколько раз в письмах к Бартеву повторил, что видит «узел» всего романа именно в его третьем томе, точнее, в конце третьего тома: «Я говорю, наконец, потому что конец 3-го тома было самое трудное место и узел всего романа» (курсив автора статьи) (письмо от 1 ноября 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 180]; «Эти все гранки самое важное место романа – узел. Ради бога, просмотрите повнимательнее и при малейшем сомнении пришлите мне другой раз» (курсив автора статьи) (письмо от 26 ноября 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 184]. Толстой писал, что «измучился» за последними корректурами третьего тома. И к концу работы над ними открыто признавался Бартеву, что материал в правках представлен порою в трудночитаемой форме.

Письма Толстого Бартеву от октября и ноября 1867 г. позволяют представить один из самых напряженных этапов работы писателя над отдельным изданием «Войны и мира», более того, и сам Толстой и члены его семьи в это время переживали сложности со здоровьем. Так, в письме от 9 октября 1867 г. Толстой писал о болезни дочери и выкидыше у жены, вследствие чего работа над текстом романа была на время прервана. А в 20-х числах января 1869 г. все дети Толстых один за другим заболели скарлатиной, и писатель вынужден был помогать супруге.

В письме Толстого от 14 ноября 1867 г. встречается примечательное замечание писателя о месте в тексте романа, которое могло быть опасно с точки зрения цензурных соображений. Толстой дает первоначальный вариант и более сглаженный для замены: «В одном месте рассуждений Пьера о лжи он говорит: *Императоры спорят о том, кто предложит Наполеону свою дочь в незаконные жены*. Ежели это опасно, то

замените: Император Австрийский считает себя счастливым, что успел прежде других предложить свою дочь в незаконную жену» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 182]. Обратим внимание, что во втором варианте решительно меняется акцент. Если в первом случае речь шла об императорах (российские императоры не исключались из этого перечня), то во втором случае Толстой делает акцент на австрийском императоре. Очень интересно, что в итоговой редакции произведения это место оказалось исключено, однако сходная мысль представлена в эпилоге: «Один перед другим они стремятся показать ему свое ничтожество. *Король прусский* посылает свою жену заискивать милости великого человека; *император Австрии* считает за милость то, что человек этот принимает в свое ложе дочь Кесарей; *папа, блюститель святыни народов*, служит своею религией возвышению великого человека» [Толстой 1928–1958, т. 12, с. 243]. Толстой, разумеется, не упоминает конкретно Александра I или кого-либо из других российских императоров, однако представленные в окончательном тексте романа примеры аморального поведения первых лиц нескольких государств, как дает понять читателю автор, могут быть продолжены. Доверяя разуму и интуиции Бартенева, писатель просил его вымарывать из романа все места, которые могут быть опасны в плане цензуры: «В IV т. говорится много о государе и великом князе. Есть там место о том, как Наполеон говорит Балашеву: „Бенигсен должен бы возбуждать в императоре Александре ужасные воспоминания“. Это и тому подобные места вымарывайте, ежели вы найдете их опасными в цензурном отношении. Даю вам *carte blanche* вымарывать всё, что покажется опасным. Вы лучше меня знаете, что можно и нельзя» (письмо от 6 декабря 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 188–189]. И через пару дней, в следующем письме от 8 декабря, Толстой еще раз повторил эту же просьбу о вымарывании спорных мест. Понятно, что такие распоряжения даются непросто, однако Толстой пояснил, что он очень опасается «гадости» от цензуры именно на завершающем этапе работы.

К концу ноября 1867 г. Толстой трудился параллельно над третьим и уже четвертым томами романа. Уже после отправки корректур, которые виделись Толстому итоговыми, появлялись замечания. Так, в начале письма Толстого от 27 ноября 1867 г. писатель даже несколько винит себя в обилии коррективов и пытается «умилостивить» Бартенева «лаской»: «Не могу без предисловий,

но мне кажется, я так надоел вам, что так и хочется подпустить и милый, и любезный, и дорогой Петр Иванович» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 184]. Толстой сообщал о необходимости изменений в двух эпизодах: в сцене общения Наташи и Элен Безуховой и в эпизоде приезда князя Андрея в имение Лысые Горы. В первом случае правка была немногочисленна, Толстой просил осуществить ее самого Бартенева, во втором случае писатель предупреждал Бартенева, что сцену набирать не стоит в связи с необходимостью многочисленных изменений. Однако приведенная С. А. Толстой в Ясную Поляну верстка показала, что Бартенев не смог произвести коррективы в первом из обозначенных моментов *так, как хотел этого автор*. 4 декабря 1867 г. Толстой сообщил Бартеневу, что сам поправил всё, как нужно: «Еще посылаю сверстанный листочек, привезенный женою. Вы меня совсем не поняли, или я не умел объясниться в моем письме; но вышло бог знает что, и хорошо, что я мог поправить. Я поправил так, что число линейек одинаково, и переверстки не будет» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 186].

Толстой надеялся на Бартенева часто и в плане выявления нескладности слога, доверял редактору «Войны и мира» как профессионалу своего дела. Д. П. Ивинский отметил появившуюся в текстах Бартенева глубину и целостность, которая проявлялась в самой натуре этого человека: «Все чаще в письмах Бартенева проявляются те свойства его личности, которые обеспечивают ее единство, связывая воедино его редакторскую деятельность, его исторические интересы, его знакомства, нередко оборачивавшиеся обнаружением ранее неизвестных письменных памятников, его семейные дела; реальность каждодневного существования смыкается с бытием в культуре» [Ивинский, 2014, с. 274].

Письма Толстого в адрес Бартенева в конце 1867 г. были достаточно частыми, иногда послания отправлялись с интервалом в два-три дня, через несколько дней. Это говорит об интенсивной работе Толстого и вместе с тем о слаженном процессе взаимодействия с редактором.

В письме от 6 декабря 1867 г. Толстой сообщает о планируемом предисловии к «Войне и миру», которое писатель также думал назвать и послесловием. Толстой советуется с Бартеневым о том, куда поместить это пояснение. В ходе работы было набрано Предисловие к 5 тому произведения, а в 13 томе юбилейного полного собрания сочинений Толстого опубликованы «Вступ-

ления, предисловия и варианты начал „Войны и мира”» [Толстой 1928–1958, т. 13, с. 53–77]. Толстой использовал позднее некоторые из своих мыслей, предполагаемых для предисловия, в статье «Несколько слов по поводу книги „Война и мир”». Именно про данное предисловие Толстой сообщал Бартеневу в письме от 20...21 января 1868 г.: «Предисловие мое почти готово, и *только вы напечатайте*, а я непременно и очень скоро пришлю или привезу вам» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 192]. Толстой вкладывал в свои объяснения читателю ключ к пониманию целостного произведения. Ю. В. Лебедев отметил, что «отрицая культ исторической личности, Толстой не принимает и культа народа. В ситуации, когда массы людей предоставлены сами себе, жизнь их впадает в самообожествление, так народ превращается в толпу, лишенную человеческого облика, одержимую агрессивными, животными инстинктами» [Феномен, 2022, с. 59].

Статья, выросшая из «предисловия», была опубликована в № 3 «Русского архива» за 1868 г. Скорее всего, в личных беседах с Бартевым Толстой не раз останавливался на обсуждении смысла всего романа-эпопеи, поэтому в переписке с редактором разговора об этом нет. А вот историк М. П. Погодин разгадал смысл всего произведения тогда, когда прочел не просто вышедшую часть романа, а именно толстовское предисловие: «...Не основной текст романа-эпопеи привел Погодина к мысли о чрезвычайно близком к нему по взглядам на историю человеке — он разгадал смысл целой книги и суть прочитанного, когда прочел „объяснение”» [Андреева, 2023, с. 119]. Мы уже писали о том, что в письме Погодина к Толстому от 21 марта 1868 г. сформулирована позиция историка, очень близкая к толстовской: «Весь пафос письма Погодина состоит в сообщении Толстому, что он наконец понял, что писателем движет „тайна истории”, которая притягивала его самого всю жизнь...» [Андреева, 2023, с. 119].

Порою в письмах Бартеву Толстой указывает на значимые лексемы (писатель, к примеру, опасался, что в издательстве могут «перевернуть» слово аллюр в сцене атаки Ростова). Кроме того, Бартев занимался подстрочными переводами иностранных фраз, Толстой настаивал на том, чтобы они были переведены: «В IV т. довольно много французских и немецких фраз. Надо их перевести, в особенности немецкие» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 188].

Судя по содержанию писем Толстого конца 1867 г. могло показаться, что писатель не вникал в денежные дела с типографией, однако это не так. Толстой внимательно следил за сроками издания, стоимостью экземпляров. В первом письме Бартеву за 1868 г., от 20...21 января, Толстой просит «припугнуть» Риса (тут, по всей видимости, имеются в виду как сроки (типография задерживала корректуры) так и стоимость экземпляров). Толстой не соглашался с пожеланием Риса об уступке в 30 % с 400 экземпляров, находя возможной уступку исключительно в 20 %.

В письмах Толстого Бартеву 1868 г. встречается немало интересных для исследования творческой истории «Войны и мира» моментов, связанных с доработкой или изменением некоторых эпизодов и сцен, как на уровне масштабных коррективов, так и на уровне деталей и подробностей.

К примеру, в указанном уже нами январском письме Толстой просил Бартева: «Ежели можно опять вставить муху на дорогом мертвом лице, то вставьте ее» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 192]. В данном случае речь идет о Т. IV. Ч. II. Гл. V. С. 157 первого и Т. III (11). Ч. II. Гл. V Юбилейного полного собрания сочинений. Толстой имеет в виду следующее сравнение: «На выставке все так же безучастно, как муха на лице дорогого мертвеца, сидел старик и стучал по колодке лаптя...» [Толстой 1928–1958, т. 11, с. 124]. Примечательно, что прописанное Толстым сравнение было убрано (скорее всего, из-за определенной излишней натуралистичности, которую так ругал К. Н. Леонтьев позднее в своей известной статье: «И граф Толстой не только не чужд общим порокам нашей преобладающей школы, но он даже заплатил крайне обильную дань этим порокам в течение своей долгой литературной деятельности» [Леонтьев, 1911, с. 15]), а потом вновь восстановлено.

В этом же письме Толстой сообщает, что не приедет в Москву, пока не будет кончено печатание четвертого тома: писатель экономил силы и время на продолжающуюся работу над рукописью пятого тома, в Москве был лишен комфортной атмосферы, поэтому и отмечал: «Сам я не приеду и не могу, и не следует...» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 192].

В переписке Толстого и Бартева немногочисленны, но все же присутствуют личные просьбы, факты и свидетельства. Так, еще в 1867 г. Бартев просил у писателя помощи в поиске англичанки для своих сыновей. Еще Бар-

тенева просил у Толстого пороку, в ответном письме Толстой отмечал, что пороку Бартеневу может вполне дать А. Е. Берс (тесть Толстого), который находился в Москве. В письмах 1868 г., когда писатель и редактор уже более года безотрывно работали вместе, вопросы о денежных делах описываются достаточно кратко и просто. К примеру, в послании от 30 марта 1868 г. Толстой сообщает, что отдал почти все деньги (Рису), при этом использует характерный для описания собираемых до мельчайших купюр глагол «соскреб» и просит у Бартенева 20 рублей, которые оставались у редактора из денег Толстого [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 197]. А финальным пунктом письма от 14 мая 1868 г. становится просьба писателя о сигарах: «Вы развратили меня своими сигарами. Если вы будете брать себе, и есть мои деньги, пришлите мне ящик 15-ти рублевых» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 202].

Летние письма Толстого Бартеневу немногочисленны, тематически посвящены так и не состоявшему приезду последнего в Ясную Поляну. В активную пору сельскохозяйственного труда Толстой не мог писать с прежней интенсивностью, попытки литературной деятельности вводили писателя в тяжелое состояние: «Я решительно не могу ничего делать, и мои попытки работать в это время довели меня только до тяжелого желчного состояния, в котором я и теперь нахожусь» (письмо от 6 июля 1868 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 203]. А к концу лета Толстой напишет о том, что «критическое чутье осеннее ужасается на то, что я пропустил и напечатал весною» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 205].

В письмах Толстого января и первой половины февраля 1869 г. много интересных и значимых моментов. Первое письмо Толстого от 22...24 января 1869 г. датируется по упоминанию писателя о болезни дочери Толстых – Татьяны. Просьба писателя в этом послании заключалась во внимательном прочтении корректур, которые Толстой не успевал вычитать еще раз. Он вновь повторял Бартеневу просьбу о возвращении корректур только в том случае, если найдется в них что-то *безобразное*. Интересно в данном письме чувство связанности неоконченной работой, которое стал ощущать Толстой: «Вы не можете себе представить, как мучительно это сознание неоконченной работы теперь и как хочется свободы» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 210]. Обратим внимание на толстовские слова в начале этого предложения: поразительно, что они адресованы к

Бартеневу, ведь ему как ученому и редактору должно было быть знакомо это ощущение неоконченной работы. По всей видимости, Толстой в данном случае имеет в виду художественное творчество, приносившее, как можно судить по высказыванию писателя, наибольшие муки творчества. Скорее всего, толстовское желание свободы было связано с тем, что концептуально роман был уже завершен.

Письмо от 6 февраля 1869 г. стало фактически итоговым посланием, в котором речь шла о корректурах, об этом символично заметил сам Толстой в начале книги: «Посылаю *последние* листы пятого тома. Это *последние* и *последний* раз» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 212]. Два с половиной года совместной работы Толстого и Бартенева подходили к концу, писатель прекрасно понимал это, осознавал загруженность Бартенева другими делами и заботами. Толстой был измучен переживаемой им и супругой болезнью детей, в связи с этим просьба Толстого звучит особенно пронзительно: «Ради бога не покидайте меня и просмотрите эти листы так же, как вы просмотрели предпоследние, и поторопите Рису набирать, печатать и выпускать книжку» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 212].

Как и в письме от 22...24 января этого же года, в данном послании Толстой призывает Бартенева к тщательной проверке корректур и повторяет слово «*безобразное*» в отношении того, что могло бы вызвать недоумение у Бартенева. Напомним, что о «безобразиях» в пересылаемых гранках Толстой писал Бартеневу и ранее, 4 декабря 1867 г. Эти однокоренные слова «*безобразный*», «*безобразий*» прекрасно передают глубинную суть тех огрехов и неточностей, которых Толстой опасался в художественном произведении.

К письму Толстого к Бартеневу от 6 февраля 1869 г. имеется приписка на отдельном листе, посвященная обвинению П. А. Вяземского в адрес Толстого. Толстой в письме к Бартеневу ссылается на свое «объяснение» романа-эпопеи, напечатанное в «Русском архиве», в котором, по словам Толстого, он утверждал, что в отношении исторических лиц он не выдумывал фактов и событий, а пользовался известными историческими материалами.

Толстой имеет в виду статью П. А. Вяземского «Воспоминания о 1812 годе», вышедшую в № 1 журнала «Русский архив» за 1869 г. Статья Вяземского вышла в журнале «Русский архив», редактором которого был Бартенев. Скорее всего, Бартенев стремился к объ-

ективности и непредвзятости, радел за историческую точность и справедливость, именно поэтому опубликовал статью Вяземского у себя в журнале. Вяземский развенчивает несостоятельность Толстого как историка. Но наибольшему осуждению подверглось в статье изображение государя и ключевая в снижении образа Александра I сцена с разбрасыванием бисквитов: «Этот рассказ изобличает совершенное незнание личности Александра I. Он был так размерен, расчетлив в своих действиях и малейших движениях; так опасался всего, что могло показаться смешным или неловким; так был во всем обдуман, чинен, представителен, оглядлив до мелочи и щепетливости: что, вероятно, он скорее бросился бы в воду, нежели бы решился показаться пред народом, и еще в такие торжественные и знаменательные дни, *доедаящим бисквит*» [Вяземский, 1869, с. 192]. Данная сцена выхода государя к народу уже подробно проанализирована нами в статье об образе Александра I в романе-эпопее [Андреева, 2022]. Вяземский очень пронищательно уловил деструктивные основы этой сцены, а Толстой попытался оправдаться. В письме Бартеву от 10...15 февраля 1869 г. Толстой писал: «В №... князь Вяземский, не указывая, на основании каких матерьялов или соображений сомневается в справедливости описанного мною случая о бросании государем бисквитов народу. Случай этот описан там-то так-то. Пожалуйста, любезный Петр Иванович, потрудитесь взглянуть в книгу эту и напечатать это. Очень меня обяжете» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 212].

В письме от 6 февраля 1869 г. Толстой также отметил, что случай с бисквитами взят им из книги С. Н. Глинки и просил Бартеву поставить страницу. Толстой в данном случае говорит о книге «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения» [Глинка]. Ответного письма Бартеву не сохранилось, но как можно предположить по следующему письму Толстого, Бартев ответил, что подобного места в книге С. Н. Глинки не нашел. Уместно в данном случае привести цитату А. М. Зверева о том, каким образом Бартев оценивал историческую правду как основу сочинений Толстого: «Бартев... утверждает, что в действительности „Толстой вовсе не изучал историю великой эпохи“, как подобало бы романисту, принявшемуся описывать прошлое, да еще настолько насыщенное событиями. Воображению, по словам Бартеву, Толстой доверял куда

больше, чем архивным материалам, но тем существеннее, что какие-то материалы он счел для себя необходимыми» [Зверев, 2007, с. 230].

Толстой был несколько возмущен ответом Бартеву: «Ежели вы не нашли того места, то только потому, что не брали в руки Записки Глинки... Пожалуйста, найдите и напечатайте. У меня на беду и досаду пропала моя книга Глинки» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 214]. Эту ситуацию прекрасно описывает Дэн Унгуриану в своей статье, посвященной столкновению толстовского рассказа о войне 1812 года с воспоминаниями реальных очевидцев тех событий, современников Толстого, хорошо знавших историю. Исследователь отмечает и нетерпение Толстого, обратившегося к Бартеву, и абсолютную уверенность писателя в том, что он не выдумал этот эпизод, а взял его из книги С. Н. Глинки [Ungurianu, 2000, p. 52].

По всей видимости, преувеличенный и приукрашенный эпизод казался Толстому изначально существующим в указанной книге. С. Н. Глинка прекрасно передает народное поклонение царю, описывая события в Москве 12, 13 и 14 июля 1812 г., однако он не показывает сцены разбрасывания бисквитов. Более того, народный восторг изображен не как раболепие, но как осмысленное служение, возвышающее людей: «В день июля двенадцатого торжество любви народной сочеталось с благодарным молебствованием по случаю заключения мира с Турцией. Звон колокольный продолжался и когда Государь сходил с крыльца, народ целовал его одежду и раздавались восклицания: *Отец наш! Ангел наш! Да сохрани тебя Бог!*... В дивный 1812 год мир и война шли рядом. <...> 13 и 14 июля быстрым пролетели мгновением. Казалось, (повторяю еще): что народ русский подрос душою, ополчившеюся за край родной и усилился мышцею, поторопившеюся к оружию. На красном крыльце во время Государева обеда, происходил непрерывный прилив и отлив народа. Государь обращал взоры к зрителям и дарил их улыбкой приветливою» [Глинка, 1836, с. 14–15].

Заключение. Итог переписки Л. Н. Толстого и П. Д. Бартеву, ее место

Переписка между писателем и редактором в ее напряженном виде фактически прекратилась, как только роман-эпопея был завершен в новой редакции и опубликован. Взаимоотношения Толстого и Бартеву не прекратились и далее, после 1869 г., они встречались, Бартев несколько раз помогал Толстому с необходимыми ему истори-

ческими материалами. Однако сердечных и дружеских, теплых отношений между корреспондентами не было – они оставались коллегами, в некотором смысле даже конкурентами, при этом каждый шел своим путем. Окончательная размолвка между писателем и редактором произошла в 1890 г.: Бартенев не принял новой позиции Толстого и его обвинений Церкви и власти. Таким образом, конец 1860-х гг. стал для Толстого и Бартенева временем наиболее тесного общения и регулярной переписки.

Во время работы над романом-эпопеей Бартенев немало помог Толстому с редактурой романа, с уверенностью можно сказать, что Толстой не ошибся в выборе редактора: лучшей кандидатуры, более осведомленного человека, способного работать с документами и знающего историческую эпоху, описываемую Толстым, найти было сложно. Современные исследователи обстоятельно обозначают четкие выработанные принципы работы Бартенева с документами: «Чем сегодня интересен П. И. Бартенев? Прежде всего самими принципами работы с источниковедческим материалом, принципами отбора документов для издания» [Шмелева, Бартенева, 2018, с. 38].

Однако при большом объеме знаний Бартенева и яркой самодостаточности его фигуры Толстому не всегда было легко работать с редактором. Каждый из двух корреспондентов, к переписке которых мы обратились в данной статье, готов был отстаивать свою правду. Однако при этом и Толстой, и Бартенев осознавали роль и масштаб выполняемой работы, не стремясь задерживать ее. Толстой максимально критически подходил к замечаниям редактора, проверял их и сразу же отвергал, если не считал уместными. И, напротив, безоговорочно и с благодарностью принимал, если видел в правках справедливость. Осмысливая объем и смысл в большей степени исторических комментариев Бартенева, обозначенных в письмах, мы понимаем, что его работа с текстом Толстого носила во многом и посреднический характер: Бартенев выступал и своеобразным дешифровщиком правок и знаков Толстого. При этом между писателем и редактором сложились с точки зрения психологии непростые отношения для сотрудничества. Толстой и Бартенев считали себя находящимися примерно на одной степени образования и интеллектуального развития людьми и при уважении и признании заслуг и важности деятельности друг друга нахо-

дились в отношениях своеобразного соперничества.

Последнее, по нашему мнению, связано с пониманием писателя и редактора истории, ее уроков и жизни, что достаточно хорошо просматривается и в переписке Толстого и Бартенева, поскольку и один и другой на протяжении своей жизни не изменили своим принципам работы и отношению к историческим свидетельствам. Перед нами встает вопрос и об использовании исторических документов писателем-классиком, с одной стороны, и историком, редактором и издателем – с другой стороны. Для Толстого исторический документ во многом был справедливым и точным свидетельством эпохи, однако далее писатель продолжал творческую работу на основании полученных материалов, нередко по-своему встраивал факты в общую канву вымышленных художественных событий, в сюжет произведения. Художественный гений, логика и интуиция Толстого были направлены не на скрупулезное собирание мельчайших документальных элементов и фактов, составление из них полной картины прошлой жизни, но часто на представление целого с использованием, порою субъективным, отдельных свидетельств для создания своего художественного мира. Для Бартенева документ имел первостепенную силу и значимость, самостоятельную ценность, историк не мог вообразить возможность какого-либо его досотворения.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Образ императора Александра I в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 1. С. 260–281.
2. Андреева В. Г. «Тайны истории» в переписке Л. Н. Толстого и М. П. Погодина // Материалы научных сессий 2022 года в государственном музее Л. Н. Толстого: материалы ежегодной Международной научной конференции и научно-фондовой конференции, Москва, 20–21 ноября 2022 года. Москва: РГ-Пресс, 2023. С. 114–126.
3. Бурнашева Н. И. «Прелесть запечатления словом художественной подробности»: в творческой лаборатории Л. Н. Толстого // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 1. С. 126–131.
4. Вяземский П. А. Воспоминания о 1812 годе // *Русский архив*. 1869. № 1. С. 182–208.
5. Глинка С. Н. Записки о 1812 годе. Сочинение Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1836. 401 с.
6. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

7. Двуреченская Т. Н. П. И. Бартенев: общественно-политические воззрения // VII Бартеневские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С. А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 6–12.

8. Долгих А. Н. Масоны-консерваторы и крестьянский вопрос в России в начале XIX века (И. В. Лопухин и О. А. Поздеев) // История: факты и символы. 2015. № 1(2). С. 52–63.

9. Зайденшнур Э. Е. История писания и печатания «Войны и мира» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 16. Москва : Худ. лит., 1955. С. 19–140.

10. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. Москва : Молодая гвардия, 2007. 782 с.

11. Ивинский Д. П. П. И. Бартенев и князь П. А. Вяземский: заметки и материалы к теме // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е. З. Цыбенко. Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 2014. С. 262–291.

12. Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. Москва : тип. В.М. Саблина, 1911. 152 с.

13. Мисюров Н. Н. Массонское учение и общественные идеалы Екатерининской эпохи // Вестник Омского университета. 2014. № 1(71). С. 38–41.

14. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.

15. Фадичева Е. Н. «Архивный рудокон» Пётр Иванович Бартенев // Региональная культура как компонент содержания современного художественного образования: материалы второй региональной научно-практической конференции, Липецк, 20 апреля 2017 года. Том Выпуск 2. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 71–73.

16. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева [и др.]. Кострома : Костромской государственный университет, 2022. 512 с.

17. Черномырдин М. В. Славянофилы в «Воспоминаниях» П. И. Бартенева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 147–154.

18. Шмелева А. В., Бартенева Д. В. Петр Иванович Бартенев как основатель пушкинистики. К 190-летию со дня рождения П. И. Бартенева // Язык и текст. 2018. Т. 5. № 4. С. 32–41.

19. Юрова К. И. Некоторые проблемы текстологического изучения творческой истории романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований: Сборник научных статей XI Междуна-

родной научно-практической конференции. Чебоксары : Чувашии государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 221–225.

20. Ungurianu D. «Visions and Versions of History: Veterans of 1812 on Tolstoy's War and Peace». The Slavic and East European Journal. Vol. 44. № 1. 2000. P. 48–63.

Reference list

1. Andreeva V. G. Obraz imperatora Aleksandra I v romane-jepopee L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = The image of Emperor Alexander I in Leo Tolstoy's epic novel War and Peace // Studia Litterarum. 2022. T. 7. № 1. S. 260–281.

2. Andreeva V. G. «Tajny istorii» v perepiske L. N. Tolstogo i M. P. Pogodina = «Secrets of history» in the correspondence between L. N. Tolstoy and M. P. Pogodin // Materialy nauchnyh sessij 2022 goda v gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo: materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii i nauchno-fondovoj konferencii, Moskva, 20–21 nojabrja 2022 goda. Moskva : RG-Press, 2023. S. 114–126.

3. Burnasheva N. I. «Prelest' zapechatlenija slovom hudozhestvennoj podrobnosti»: v tvorcheskoy laboratorii L. N. Tolstogo = «The beauty of capturing artistic detail with the word»: in L. N. Tolstoy's creative laboratory // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 1. S. 126–131.

4. Vjazemskij P. A. Vospominanija o 1812 gode = Memories of 1812 // Russkij arhiv. 1869. № 1. S. 182–208.

5. Glinka S. N. Zapiski o 1812 gode. Sochinenik Sergeja Glinki, pervogo ratnika Moskovskogo opolchenija = Notes on the year 1812. Written by Sergei Glinka, the first soldier of the Moscow militia. Sankt-Peterburg : tip. Imp. RoS. akad., 1836. 401 s.

6. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god = Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869. Moskva : Izdvo AN SSSR, 1957. 915 s.

7. Dvurechenskaja T. N. P. I. Bartenev: obshhestvenno-politicheskie vozzrenija = P. I. Bartenev: social and political views // VII Bartenevskie chtenija: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 330-letiju so dnja rozhdenija V.N. Tatishheva, 200-letiju so dnja rozhdenija S. A. Gedeonova, 175-letiju so dnja rozhdenija V.O. Kljuhevskogo. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni P. P. Semanova-Tjan-Shanskogo, 2016. S. 6–12.

8. Dolgi A. N. Masony-konservatory i krest'janskij vopros v Rossii v nachale XIX veka (I. V. Lopuhin i O. A. Pozdeev) = Conservative masons and the peasant issue in Russia in the early XIX century (I. V. Lopukhin and O. A. Pozdeev) // Istorija: fakty i simvolj. 2015. № 1(2). S. 52–63.

9. Zajdenshnur Je. E. Istorija pisanija i pechatanija «Vojny i mira» = The history of writing and publishing War and Peace // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 16. Moskva : Hud. lit., 1955. S. 19–140.

10. Zverev A. M., Tunimanov V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 782 s.

11. Ivinskij D. P. P. I. Bartenev i knjaz' P. A. Vjazemskij: zametki i materialy k teme = P. I. Bartenev and Prince P. A. Vyazemsky: notes and materials to the theme // *Studia polonoslavica: K 90-letiju so dnja rozhdenija E. Z. Cybenko*. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M. V. Lomonosova (Izdatel'skij Dom (Tipografija), 2014. S. 262–291.
12. Leont'ev K. N. O romanah gr. L. N. Tolstogo. Analiz, stil' i vejanie = On the novels by Count L. N. Tolstoy. Analysis, style and trendS. Moskva : tip. V.M. Sablina, 1911. 152 s.
13. Misjurov N. N. Maponskoe učenje i obshhestvennye idealy Ekaterinskogo jepohi = The Mason teaching and social ideals in the times of Catherine the Great // *Vestnik Omskogo universiteta*. 2014. № 1(71). S. 38–41.
14. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete collection of works in 90 volumeS. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.
15. Fadicheva E. N. «Arhivnyj rudokop» Pjotr Ivanovich Bartenev = «Archival miner» by Pyotr Ivanovich Bartenev // *Regional'naja kul'tura kak komponent sodержanija sovremennogo hudozhestvennogo obrazovanija: materialy vtoroj regional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii, Lipeck, 20 aprelja 2017 goda. Tom Vypusk 2. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P. P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2017. S. 71–73.*
16. Fenomen jepičeskogo romana v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevskij = The phenomenon of the epic novel in Russian literature of the late XIX century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevsky / V. G. Andreeva, A. V. Gulin, N. L. Ermolaeva [i dr.]. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2022. 512 s.
17. Chernomyrdin M. B. Slavjanofily v «Vospominanijah» P. I. Barteneva = Slavophiles in P. I. Bartenev's «Memoirs» // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2007. № 18. S. 147–154.
18. Shmeleva A. V., Barteneva D. V. Petr Ivanovich Bartenev kak osnovatel' pushkinistiki. K 190-letiju so dnja rozhdenija P. I. Barteneva = Pyotr Ivanovich Bartenev as the founder of Pushkin studieS. To the 190th anniversary of P. I. Bartenev's birth // *Jazyk i tekst*. 2018. T. 5. № 4. S. 32–41.
19. Jurova K. I. Nekotorye problemy tekstologičeskogo izučenija tvorčeskoj istorii romana-jepopei L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = Some problems of textological studying the history of writing the epic novel War and Peace by L. N. Tolstoj // *Voprosy filologii i perevodovedenija v kontekste sovremennyh issledovanij: Sbornik nauchnyh statej XI Meždunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Cheboksary : Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. I. Ja. Jakovleva, 2019. S. 221–225.*
20. Ungurianu D. «Visions and Versions of History: Veterans of 1812 on Tolstoj's War and Peace». *The Slavic and East European Journal*. Vol. 44. № 1. 2000. P. 48–63.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025